УДК 34

Лаптева С.О.
студент группы ЮРм-3901-01-20
Юридический институт
Вятский государственный университет
(г. Киров, Россия)

Нобель А.Р.
доцент
кафедра уголовного права, процесса и национальной безопасности
Юридический институт
Вятский государственный университет
(г. Киров, Россия)

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПЕРЕДАЧИ ПОД ПРИСМОТР И ИНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ

Аннотация: *в статье рассматривается российская практика применения передачи несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр, а также иных мер пресечения, позволяющих отказаться от заключения под стражу. Обзор построен на положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, разъяснениях Верховного Суда РФ, материалах Судебного департамента при Верховном Суде РФ и докладах Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка. Передача под присмотр оценивается как самостоятельная мера пресечения, специально приспособленная к возрасту и социальной зависимости несовершеннолетнего. Вместе с тем её практический потенциал используется ограниченно. Одной из ключевых проблем остаётся отсутствие в открытой судебной статистике обособленных сведений о частоте избрания этой меры. Рассматриваются причины её недостаточного применения: формальный подход к оценке личности законного представителя, неопределённость содержания присмотра, отсутствие механизмов межведомственного сопровождения семьи и ориентация правоприменителя на*

меры, исполнение которых легче проконтролировать. Показано, что подписка о невыезде, запрет определённых действий и домашний арест не всегда учитывают возрастную специфику обвиняемого. Предлагается связывать выбор меры пресечения с индивидуальным планом сопровождения подростка, проверкой ресурсов семьи и регулярным судебным контролем. Новизна обзора состоит в оценке статистической «невидимости» передачи под присмотр как самостоятельного фактора её периферийного положения в правоприменительной практике.

Ключевые слова: *несовершеннолетний обвиняемый, мера пресечения, передача под присмотр, заключение под стражу, домашний арест, запрет определённых действий, законный представитель, судебная статистика.*

Введение.

Заключение несовершеннолетнего под стражу затрагивает не только его право на свободу. Изоляция прерывает обучение, ослабляет семейные связи, осложняет получение психологической и медицинской помощи, а иногда фактически предрешает более репрессивную траекторию дальнейшего процесса. Поэтому международный стандарт требует использовать лишение свободы ребёнка лишь в качестве крайней меры и в течение минимально необходимого срока [4]. Российское уголовно-процессуальное законодательство развивает эту установку через специальные правила статей 105 и 108 УПК РФ [11].

Проблема, однако, находится не столько в плоскости нормативного дефицита, сколько в области применения уже существующих средств. Передача под присмотр предусмотрена именно для несовершеннолетних, но в публичной статистике Судебного департамента она не образует отдельной наблюдаемой категории. Сводные сведения о состоянии судимости за 2022–2024 гг. позволяют оценивать структуру осуждённых несовершеннолетних, однако не показывают, сколько подростков на досудебной стадии передавалось родителям, опекунам либо администрации специализированного учреждения [8–10]. Отсюда возникает методологически существенная оговорка: частоту применения этой

меры нельзя достоверно выразить процентом на основании открытых федеральных данных.

Цель обзора — определить место передачи под присмотр среди альтернатив заключению под стражу и выявить правовые и организационные причины её ограниченного использования. Для этого сопоставляются нормативная модель, разъяснения Верховного Суда РФ, официальные статистические материалы и доклады Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка за 2022–2024 гг. [1–3]. Отдельное внимание уделяется подписке о невыезде, личному поручительству, запрету определённых действий, залогу и домашнему аресту.

В юридической литературе вопрос обычно рассматривается либо как часть общего учения о мерах пресечения, либо в контексте особенностей производства по делам несовершеннолетних. Несколько реже обсуждается исполнимость присмотра: кто фактически контролирует подростка, какую помощь получает семья и как реагировать на нарушение обязательств без немедленного ужесточения меры. Именно здесь нормативная конструкция сталкивается с повседневной практикой.

Нормативная модель и статистически наблюдаемая практика.

Статья 105 УПК РФ допускает передачу подростка под присмотр родителей, опекунов, попечителей либо других заслуживающих доверия лиц, а несовершеннолетнего, находящегося в специализированном детском учреждении, — под контроль его администрации [11]. Содержание меры включает обеспечение надлежащего поведения, явки по вызовам и несовершения действий, препятствующих производству по делу. Лицу, принимающему обязанность, разъясняются характер подозрения или обвинения и ответственность за нарушение присмотра.

Конструкция выглядит сравнительно мягкой, но юридически она не сводится к бытовому обещанию родителей «следить за ребёнком». Это полноценная мера пресечения. Её избрание требует мотивированного решения,

оценки рисков, предусмотренных статьёй 97 УПК РФ, и учёта обстоятельств статьи 99: тяжести обвинения, возраста, состояния здоровья, семейного положения, рода занятий и иных сведений о личности [11]. Возраст здесь — не формальная льгота, а фактор, меняющий способ управления процессуальными рисками.

Пределы заключения подростка под стражу сформулированы строже, чем для совершеннолетнего. По общему правилу оно допускается при подозрении или обвинении в тяжком либо особо тяжком преступлении; при деянии средней тяжести — только в исключительном случае [11]. Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на фактическую проверку оснований изоляции и обсуждение возможности применения более мягкой меры [7]. В постановлении, посвящённом производству по делам несовершеннолетних, также закреплена обязанность учитывать условия жизни и воспитания подростка, уровень психического развития и влияние старших лиц [6].

Формально приоритет альтернатив выражен достаточно ясно. Эмпирическая картина — заметно менее прозрачна. В сводных статистических сведениях Судебного департамента за 2022, 2023 и 2024 гг. несовершеннолетние выделяются по возрасту, составам преступлений и результатам рассмотрения дел, но отдельного федерального показателя передачи под присмотр не публикуется [8–10]. Судебная статистика по ходатайствам о заключении под стражу отражает решения судов, тогда как рассматриваемая мера может избираться дознавателем, следователем или судом. Сопоставить две практики напрямую поэтому нельзя.

Статистическая «невидимость» имеет прикладное последствие. Невозможно надёжно установить, в каких субъектах РФ передача под присмотр применяется регулярно, где её заменяют подпиской о невыезде, а где вопрос об этой мере почти не ставится. Нельзя оценить и долю нарушений. В результате успешная региональная практика труднее тиражируется, а дискуссия нередко строится на отдельных судебных актах.

Доклады Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка за 2022–2024 гг. показывают, что защита детей, находящихся в конфликте с законом, требует согласованной работы органов следствия, комиссий по делам несовершеннолетних, учреждений образования, социальной защиты и психологических служб [1–3]. Эти материалы не заменяют уголовно-процессуальную статистику. Они, однако, подтверждают более широкий вывод: юридическое решение в отношении подростка редко бывает исполнимым без социальной инфраструктуры.

Почему специальные и общие альтернативы используются неравномерно.

Главное преимущество передачи под присмотр одновременно оказывается её слабым местом. Мера опирается на отношения доверия и повседневную власть взрослого, а их невозможно подтвердить одной справкой о родстве. Родитель может формально согласиться, но работать посменно, жить отдельно, находиться в конфликте с подростком или сам нуждаться в социальной помощи. Обратная ситуация тоже встречается: семья располагает ресурсами для контроля, однако следователь ограничивается общей характеристикой и не выясняет, как именно будет организован присмотр.

Здесь стоит сделать оговорку. Неблагополучие семьи не означает автоматической невозможности оставить несовершеннолетнего вне следственного изолятора. Такой подход превращал бы социальную уязвимость в основание для более строгого процессуального ограничения. Федеральный закон № 120-ФЗ предусматривает индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [12]. Следовательно, дефицит семейного контроля в ряде случаев можно компенсировать сопровождением, а не изоляцией.

Практическую осторожность правоприменителя объясняет и неопределённость содержания присмотра. Закон обозначает результат, но почти не описывает способы его достижения. Может ли родитель проверять

переписку? Обязан ли сопровождать ребёнка в школу? Кто уведомляет следователя о нарушении режима? Где проходит граница между разумным контролем и вмешательством в частную жизнь? Ответы приходится искать применительно к конкретной семье.

Подписка о невыезде и надлежащем поведении процедурно проще. Она возлагает обязанности непосредственно на обвиняемого и не требует поиска взрослого, готового принять ответственность. Но применительно к подростку такая простота несколько обманчива. Несовершеннолетний зависит от родителей в выборе места проживания и поездках, не всегда способен оценить процессуальные последствия контактов со свидетелями, а письменное обязательство само по себе не создаёт механизма поддержки.

Личное поручительство по статье 103 УПК РФ также основано на доверии, однако поручитель отвечает за выполнение обязательств обвиняемым в иной правовой конструкции [11]. Для дел несовершеннолетних эта мера может быть полезна, когда родители не обладают достаточным авторитетом, а устойчивую связь с ребёнком поддерживает тренер, педагог или близкий родственник. Впрочем, её применение требует письменного ходатайства заслуживающего доверия лица. Инициировать такое решение без предварительной социальной диагностики трудно.

Запрет определённых действий позволяет точечно ограничить общение с конкретными лицами, использование связи, выход из жилища в определённое время либо посещение отдельных мест. В этом состоит его преимущество перед полной изоляцией. Одновременно технологический контроль способен оказаться чрезмерным, если суд воспроизводит набор запретов без связи с установленными рисками. Для школьника запрет пользоваться интернетом, например, затрагивает обучение сильнее, чем для работающего совершеннолетнего.

Домашний арест сохраняет подростка вне следственного изолятора, но по интенсивности ограничений приближается к лишению свободы. Он может разорвать образовательные и терапевтические связи, если в судебном решении

не предусмотрены допустимые выходы, посещение врача или дистанционное обучение. Верховный Суд РФ требует индивидуализировать ограничения и проверять возможность более мягкого варианта [7]. Практика, однако, зависит от качества материалов, представленных сторонами суду.

Залог теоретически доступен несовершеннолетнему обвиняемому, однако имущественная природа делает его применение зависимым от положения семьи. Возникает риск неравенства: одна и та же степень процессуальной опасности нейтрализуется свободой при наличии средств и более строгим ограничением при их отсутствии. Поэтому залог едва ли способен стать основной альтернативой для этой возрастной группы.

Сравнение мер обнаруживает парадокс. Передача под присмотр лучше других учитывает социальную зависимость подростка, но требует наиболее содержательной предварительной работы. Подписка проще, запрет действий точнее, домашний арест легче поддаётся формальному контролю. Отсюда — вероятное смещение к тем решениям, исполнение которых удобнее администрировать, хотя удобство ещё не означает соразмерность.

Условия результативного применения и направления развития практики.

Первое необходимое изменение связано не с расширением перечня мер, а с качеством обоснования. Материалы об избрании меры пресечения должны содержать сведения о фактических отношениях подростка с предполагаемым субъектом присмотра, его режиме дня, обучении, лечении, окружении и доступных социальных услугах. Общая характеристика «удовлетворительно» для этого недостаточна.

Полезным решением мог бы стать краткий индивидуальный план исполнения меры. Это авторское предложение, не предусмотренное УПК РФ как отдельный документ. В плане целесообразно фиксировать:

- место проживания и график обучения несовершеннолетнего;
- конкретные обязанности лица, осуществляющего присмотр;

- допустимые контакты и способы связи со следователем;
- участие психолога, социального педагога или комиссии по делам несовершеннолетних;
- порядок реагирования на единичное нарушение без автоматического ужесточения меры;
- срок промежуточной оценки исполнения обязательств.

Такой план завершался бы подписями участников и приобщался к материалам дела. Он не должен превращать семью в подразделение уголовного преследования. Речь идёт о понятном распределении ответственности.

Второе направление — межведомственное сопровождение. Закон № 120-ФЗ уже создаёт правовую основу профилактической работы, а Федеральный закон № 124-ФЗ закрепляет гарантии защиты прав ребёнка [12; 13]. Проблема заключается в соединении этих механизмов с уголовным процессом. Следователь устанавливает меру пресечения, но не управляет образовательными и социальными службами. Комиссия по делам несовершеннолетних может координировать помощь, однако не вправе подменять процессуальный контроль.

Рациональной представляется модель, при которой суд или следователь запрашивает не только характеристику, но и конкретное заключение о возможности сопровождения семьи. Адресная помощь повышает реалистичность присмотра. Причём иногда достаточно малого: согласовать школьное расписание, обеспечить консультацию психолога, определить взрослого для сопровождения на следственные действия.

Третья задача — развитие статистического учёта. В формах ведомственной отчётности целесообразно отдельно отражать избрание передачи под присмотр, продолжительность её действия, замену более строгой мерой и основания такой замены. Публикация обезличенных сведений позволила бы сравнивать территории без раскрытия информации о детях. Сейчас сводные материалы за 2022–2024 гг. такой возможности не дают [8–10].

Есть и возможное возражение: дополнительная отчётность увеличит нагрузку, а небольшое число наблюдений затруднит выводы. Аргумент

небезосновательен. Но отсутствие показателя поддерживает замкнутый круг — мера считается редкой, потому что её не анализируют, и не анализируется, поскольку воспринимается как редкая.

Наконец, судебный контроль должен охватывать не только первоначальный выбор ограничения, но и его фактическую исполнимость. Если присмотр не работает из-за болезни родителя, изменения места учёбы или семейного конфликта, это ещё не доказывает необходимость заключения под стражу. Возможны замена контролирующего лица, сочетание с отдельными запретами либо подключение социальных служб. Прогноз здесь умеренно оптимистичен: при развитии цифрового судебного учёта и межведомственного обмена передача под присмотр способна занять более заметное место. Без организационной поддержки она, вероятнее всего, сохранит периферийный характер.

Заключение.

Передача несовершеннолетнего под присмотр обладает самостоятельным правовым содержанием и не должна восприниматься как разновидность подписки о невыезде. Её специфика состоит в переносе части контроля на взрослого или специализированное учреждение с учётом возрастной зависимости подростка. По своей конструкции эта мера наиболее близка к требованию использовать содержание ребёнка под стражей лишь как крайнее средство [4].

Причины ограниченного практического значения присмотра связаны не с отсутствием нормативной основы. Существеннее неопределённость обязанностей контролирующего лица, недостаточная проверка ресурсов семьи, слабая связь уголовного судопроизводства с системой профилактики и отсутствие открытого отдельного статистического показателя. Последнее не позволяет достоверно определить частоту применения меры и сопоставить региональные подходы.

Иные альтернативы решают лишь часть проблемы. Подписка о невыезде проста, но слабо учитывает возраст; запрет определённых действий позволяет индивидуализировать ограничения, однако требует аккуратной настройки; домашний арест способен воспроизводить многие отрицательные эффекты изоляции; залог зависит от имущественного положения семьи. Поэтому выбор должен начинаться не с перечня доступных ограничений, а с установления конкретного риска и поиска наименее интенсивного способа его нейтрализации.

Практическую ценность могли бы иметь индивидуальный план присмотра, раннее подключение профилактических служб, проверка влияния ограничений на образование и лечение, а также отдельный статистический учёт. Дальнейшее изучение темы требует обезличенных данных о продолжительности мер, нарушениях, причинах замены и повторном применении заключения под стражу. Пока таких сведений недостаточно, любые количественные выводы о результативности передачи под присмотр следует считать преждевременными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка в 2022 году. М., 2023
2. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка в 2023 году. М., 2024
3. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка в 2024 году. М., 2025
4. Конвенция о правах ребёнка: принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI
5. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. М.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2023

9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. М.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2024

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. М.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921

12. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177

13. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802

Lapteva S.O.
student of group YURm-3901-01-20
Institute of Law
Vyatka State University
(Kirov, Russia)

Nobel A.R.
Associate Professor
Department of Criminal Law, Criminal Procedure and National Security
Institute of Law
Vyatka State University
(Kirov, Russia)

PRACTICE OF PLACING JUVENILE SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS UNDER SUPERVISION AND USING OTHER ALTERNATIVES TO PRETRIAL DETENTION

Abstract: *this article examines Russian practice in placing juvenile suspects or accused persons under supervision, as well as other measures of restraint that offer alternatives to pretrial detention. The review draws on provisions of the Russian Criminal Procedure Code, guidance issued by the Supreme Court of Russia, materials from the Judicial Department at the Supreme Court of Russia, and reports by the Presidential Commissioner for Children's Rights. Placement under supervision is assessed as a distinct measure of restraint tailored to the age and social dependence of juveniles. Its practical potential, however, remains underused. One key problem is the absence of separate data on how often this measure is imposed in publicly available judicial statistics. The article examines reasons for its limited use: a formalistic assessment of the legal representative's suitability, uncertainty about what supervision entails, a lack of mechanisms for interagency support for families, and a preference among legal practitioners for measures whose enforcement is easier to monitor. It shows that an undertaking not to leave the area, a prohibition of certain actions, and house arrest do not always account for the accused person's age. The article proposes linking the choice of a measure of restraint to an individual support plan for the juvenile, an assessment of family resources, and regular judicial review. The review's novel contribution is its assessment of the statistical «invisibility» of placement under supervision as an independent factor in this measure's marginal position in legal practice.*

Keywords: *juvenile accused person, measure of restraint, placement under supervision, pretrial detention, house arrest, prohibition of certain actions, legal representative, judicial statistics.*